

K 556
49

— Должна вам сказать, Иван Петрович, что ваш завод вышел на демонстрацию с самым скромным, но очень богатым украшением!

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

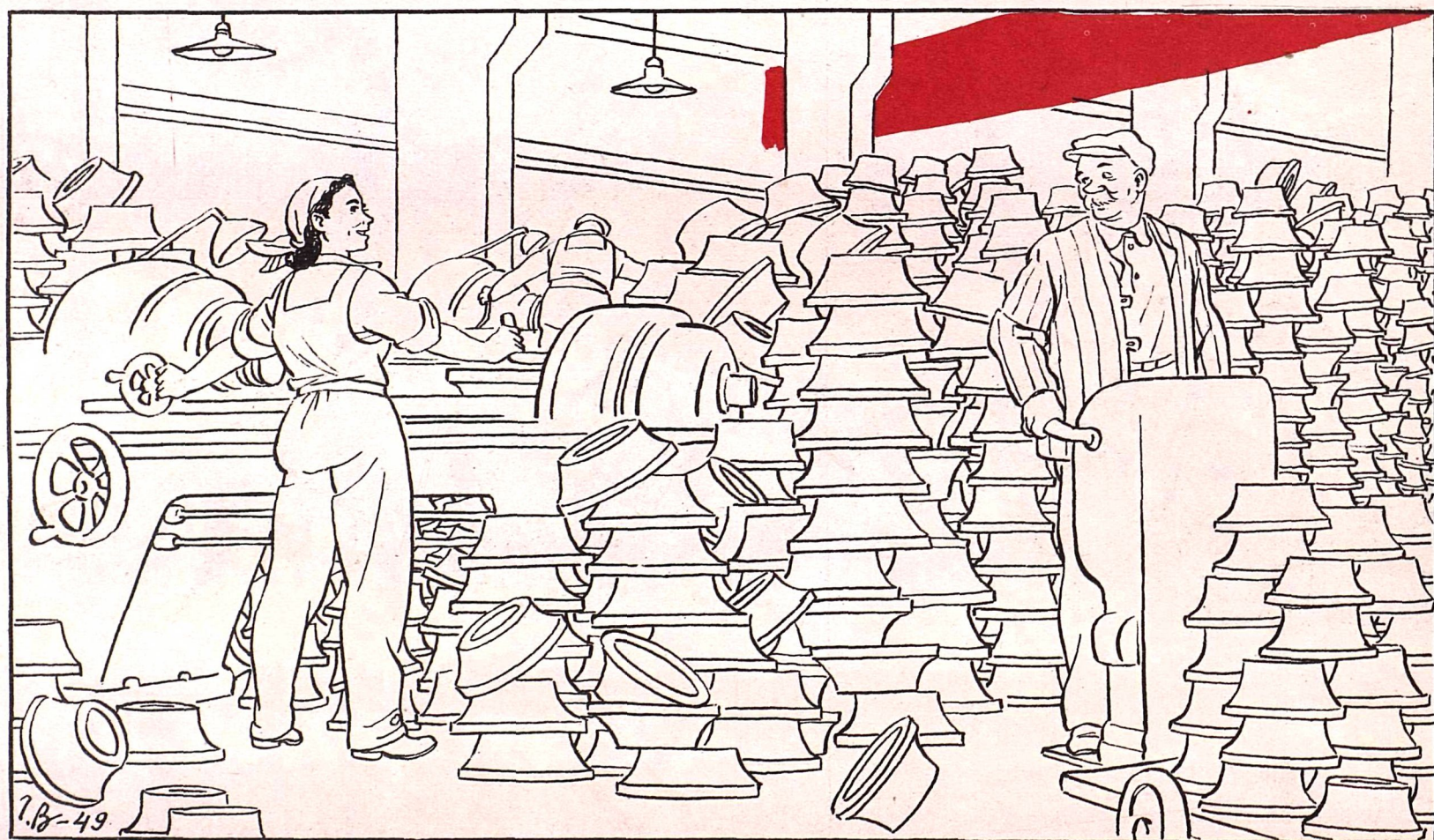
К Р О К О Д И Л

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Рис. Г. ВАЛКА

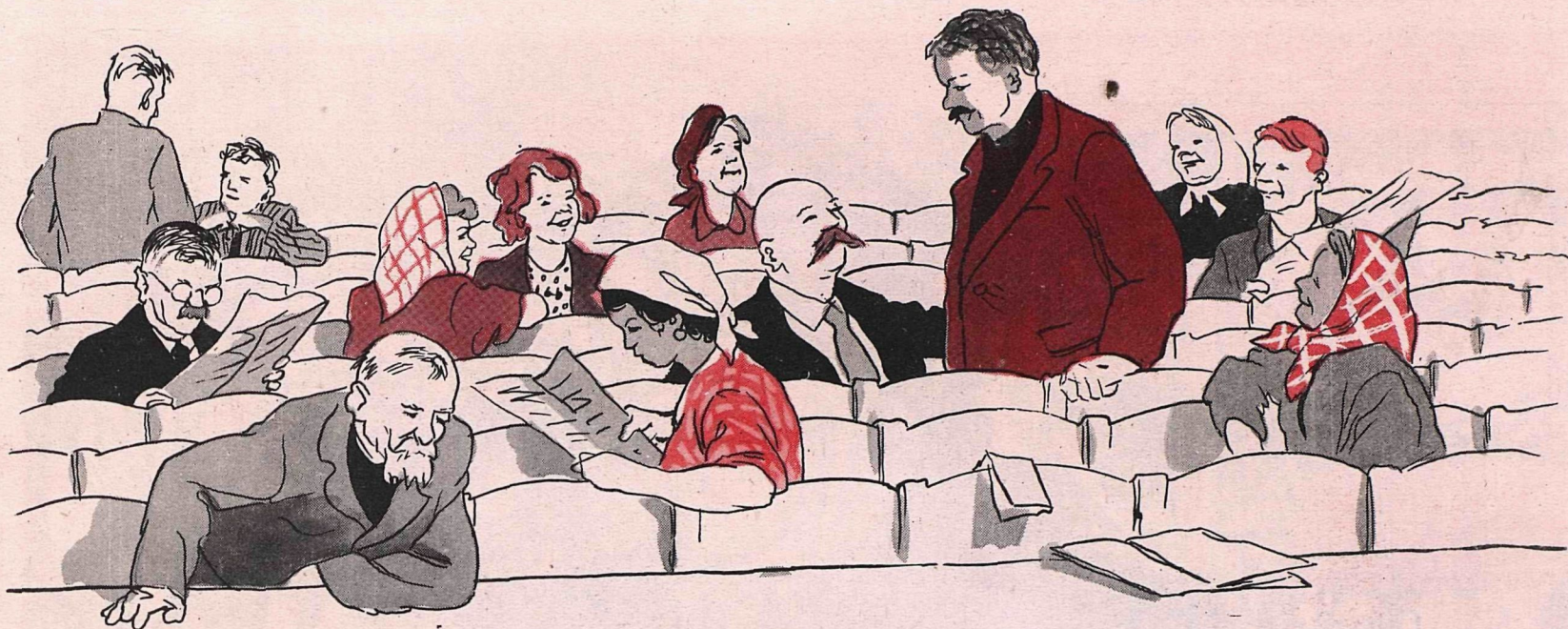
Сначала она рассказывала о теоретической основе своего рационализаторского предложения. Цех был полон.

Затем она практически доказала правильность своего предложения. Цех был тоже полон.

7.8-49

В. ПОДОЛЬСКИЙ

Галёрка

БЫЛО это в позапрошлом году. Вызвали меня в областной центр и сказали:

— Поедешь, Степан Егорович, в столицу Украины на слёт передовиков-хлеборобов. Гляди, не подкачай. Покажи там всей республике успехи колхоза «Могучий».

Благодарил я за честь. Записал, как посоветовали, основные моменты, чтобы речь сказать, и вместе со всей делегацией — на поезд. В Киеве нас встретили, как дорогих гостей. В театр приглашали, на выставки водили, музеи показывали. Одним словом, приняли гостеприимно. Перезнакомились мы там с хлеборобами других областей, побеседовали друг с другом. Всё как будто бы хорошо, но мне, скажу откровенно, не по себе. Вижу я, сюда представители таких колхозов приехали, что нам со своими показателями до них пока и на цыпочках не дотянуться, — настоящие мастера. Запрятал я подальше свои заметки, достал из кармана блокнот — записать, что опытные люди скажут, — и прямо на галёрку. Ещё рано было, зал почти пустой, а наверху довольно оживлённо.

— Чего, — спрашиваю, — вас сюда занёсло? Мест, что ли, внизу мало?

— По делам и место, дорогой товарищ, — отвечает мне рыжеусый дидусь, — какой Савва, — такая и слава.

— Ну, тогда, — говорю, — принимайте в компанию. И я такой.

Поговорили мы по душам о том, о сём — выходит, что мне, если строго подходить, и на галёрке ближе четвёртого ряда садиться не приходится.

Началось совещание. Смотрю, во время перерыва какой-то гражданин ходит, всех о чём-то расспрашивает. Подходит и ко мне:

— Не знаете ли, где товарищ Гмыря?

— Знаю, — говорю, — тут, на балконе сидит. В четвёртом ряду, как отстающий.

— Да что вы?! Опомнитесь! Это же председатель передового колхоза Николаевской области.

— Так-то оно, может быть, и так, но в республиканском масштабе ему хвалиться нечем. А Гмыря — это я.

— Вы? Тогда идёмте вниз, вас министр вызывает.

Зашли мы за кулисы. Подошёл ко мне министр сельского хозяйства и говорит:

— Из Николаева звонили, тов. Гмыря, что вы выступать собираетесь.

— Собирался раньше, товарищ министр, а теперь, — говорю, — обстановка изменилась.

— В чём изменилась?

— В том, — говорю я, — что маленький просчёт получился в фоне. Фон, — говорю, — тут на совещании не тот. На этом фоне наш «Могучий» не слишком и передовым выглядит. По нашим делам мне только на галёрке и место.

— То-то вы так далеко и забрались, — засмеялся министр, — что вас еле разыскали.

— По показателям, товарищ министр, по успехам.

А у самого, чувствую, краска так лицо и заливает...

Приехал я из Киева домой, а народ уже ожидает. Всем интересно, что там, в Киеве. В клубе плакаты вывесили. Оркестр играет. В общем торжественно. Попросил я музыкантов разоружиться. И всё начистую рассказал колхозникам.

— Пора нам, товарищи, — подчёркиваю, — с галёрки слезать.

Крепко поддержали меня. Книжка, в которую я на слёте опыт передовиков записал, во всех агротехнических кружках побывала. Изучали её внимательно. А работали люди как! Никогда ещё такого не было. Одним словом, по-новому трудились — и агроном, и бригадир, и звеньевые, и все колхозники.

— Не отстанем от людей, Степан Егорович, — говорят, — всё равно догоним республиканских передовиков, слезем с галёрки, будь она неладна!

И думаете, подкачали? Одиннадцать передовиков звание Героя Труда получили. Урожай такой собрали, что вся область заговорила!

Пришла осень, и снова вызывают меня в областной центр.

— Езжай, — говорят, — Степан Егорович, в Киев, как-никак, а колхоз у вас теперь — герой.

Поблагодарил я за честь. На этот раз тезисы уже не спешу сочинять. Дай, думаю, подожду. Приехал в столицу республики, с людьми разговариваю, расспрашиваю, выясняю, место своё определяю. Теперь, вижу, дело совсем другое. Захожу в зал и слышу, кто-то называет меня по имени. Оглядываюсь — кто бы выдумали? Петренко из Винницы — мой прошлогодний сосед по галёрке. Сидит в первом ряду, важный, усы торчком, на галёрку и не взглянет.

Осмотрелся — и, поверите, ахнул. Все прошлогодние галёрщики здесь. А у многих на груди, как и у меня, золотая звезда горит. Избрали меня в президиум, слово дали. И тут, представьте, такой конфуз получился: шарю я по всем карманам, тезисы ищу. Потом вспомнил, аж сердце в груди запрыгало. Обращаюсь к собранию:

— Извините, говорю, товарищи колхозники, тезисы не захватил.

Все рассмеялись, кто-то из зала (по-моему Петренко) крикнул:

— А ты без бумажки оратор хороший!

— Какой, говорю, ни на есть, а своё скажу.

Опять народ смеётся, но, конечно, доброжелательно. Тут я осмелел. Теперь уже, конечно, всего не помню, что говорил, знаю только, что обращался больше к тем, кто сидели на галёрке. Рассказал, как и я в прошлом году там был, и посоветовал им на этом месте не задерживаться. Да и тех, кто в первых рядах внизу сидел, не забыл. Предупредил, чтобы не зазнавались, а то как бы на будущий год им не пришлось снова на галёрку взбираться. Трудно было, конечно, без конспекта, может, чего и упустил, но так как будто обошлось неплохо. Хлопали мне весело и дружно.

г. Николаев.

ОТЧЕТ ХОТЬ И ЛИПОВЫЙ, НО...

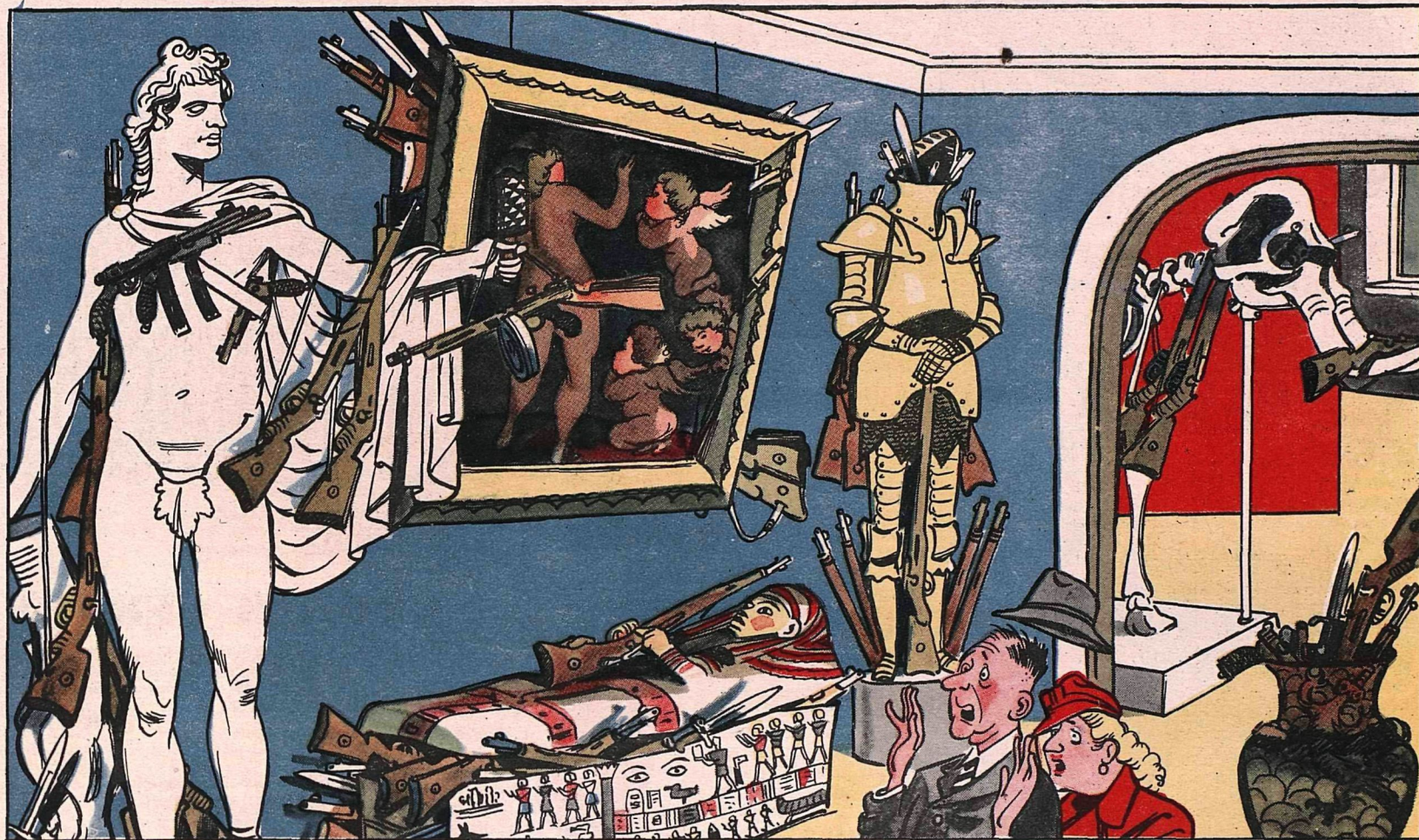
Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

...Побольше бы таких липовых отчётов!

Рис. Ю. ГАНФА

Как сообщает газета «Тюкансан саномат», депутат сейма, член коалиционной партии Феликс Сеппеля, занимающий должность директора музея в г. Хямеенлина, устроил в своём музее склад различного оружия и имущества, полученного им на «хранение» от шюцкоровских организаций.

— Мы, кажется, не туда попали! Шли в музей, а оказались в складе оружия!

ЭТО ПРОИСХОДИТ В СИЦИЛИИ...

С некоторых пор под лазурным небом Сицилии стали происходить таинственные события. В живописных городах и сёлах появились такие разбойники, каких не бывает даже в романах. Герои знаменитого произведения Дюма-отца «Граф Монте-Кристо» просто лопнули бы от зависти, поймав лихих сицилианских бандитов.

Всю провинцию Палермо покорила банда некоего Джулиано. Легендарный граф Монте-Кристо — просто желторотый птенец, кустарь-одиночка в сравнении с Джулиано — атаманом современной итальянской шайки.

В отличие от героев Дюма, сицилианские бандиты не тратят времени на поиски клада и не стремятся на необитаемый остров. К чему им такая экзотика? Они вполне довольны Сицилией и приводят в трепет её жителей. Джулиано не тратит времени на то, чтоб, как в былые времена, посылать своей жертве записки с изображением костей и черепа. Теперь к его услугам первоклассные типографии и миллионные тиражи газет. Когда ему нужно пополнить банду, Джулиано просто выпускает листовки о «наборе» преступников разных специальностей и открыто расклеивает эти листовки в городах Сицилии. Атаман обещает всем добровольцам «подъёмные» в 100 тысяч лир и такую же сумму в качестве ежемесячного вознаграждения. Между делом Джулиано даёт интервью корреспондентам крупных американских газет, и те охотно печатают высказывания.

В отличие от графа Монте-Кристо, Джулиано не научился видеть в темноте. Да ему это и не нужно. Джулиано смело орудует при ярком дневном свете. Таинственное свойство атамана и его сообщников заключается в том, что они никогда не попадают в тюрьму. Но тайна эта весьма сомнительна.

Когда итальянские демократические деятели стали громко проявлять своё возмущение по поводу безнаказанности Джулиано, сам министр внутренних дел Италии, синьор Шельба, произнёс торжественную речь, смысл которой можно передать одной фразой: «Вот сейчас мы покажем этому Джулиано, где раки зимуют!».

Под выражением «где раки зимуют» синьор Шельба подразумевал современное итальянское правосудие.

Синьор Шельба созвал «военный совет», произнёс ещё одну громовую речь, и после этого 2 тысячи полицейских во главе с

полковником карабинеров высадились в Сицилии, огласив остров пронзительными трелями полицейских свистков.

Демонстрация правосудия синьора Шельбы в действии оказалась странным зрелищем. Карабинеры рыскали по всему острову и... не поймали ни одного разбойника.

А тем временем бандиты Джулиано даже обложили население податями, ввели пропуска для проезда в «зону Джулиано».

Скоро полицейским надоело гоняться за шайкой Джулиано, и они нашли для себя другую работу — громить демократические организации. Тут они действовали куда решительнее и расторопнее. Начались повальные аресты итальянских патриотов.

Но когда прогрессивные газеты стали иронизировать по поводу работы полиции, синьор Шельба снова произнёс речь. Он опять метал громы и молнии. Однако на этот раз уже... по адресу демократически настроенных сицилианцев.

Как писала газета «Паэзе», министр Шельба заявил, что первейшей задачей его полицейских сил является не борьба с уголовным бандитизмом, а подавление коммунистов.

Вот здесь и раскрылась тайна неуловимости Джулиано, который проявил свою полную солидарность в политических взглядах с министром внутренних дел Италии Шельбой. Он даже оказывал ему посильную помощь: громилы Джулиано принимали, например, участие в расстреле трудящихся в местечке Портелла делла Джинестра (близ Палермо).

Кроме того, давая однажды очередную пресс-конференцию корреспондентам американских газет, бандит Джулиано обещал «включить Сицилию в состав США».

Так выяснилось, что и Джулиано, и министр Шельба, и его коллеги по кабинету де Гаспери имеют общие цели, служат одному хозяину. Так была разгадана тайна шайки Джулиано.

Министр Шельба втайне весьма признателен атаману: если бы не он, Шельбе трудно было бы послать на остров столько полиции. Теперь под предлогом борьбы с бандитами Шельба терроризирует рабочих, преследует демократов. Но не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что итальянские трудящиеся сами сумеют избавиться от иностранных наёмников.

Бог... Шельбу метит!

Юр. ЧАПЛЫГИН

С. МАРШАК

КОНЬ В СЕНАТЕ

Генерал Омар Брэдли выступил в комиссии сената с агрессивной речью. Он говорил о высадке десантов и т. п.

(Из газет.)

Когда-то, много лет назад,
Желая римлян огоршить,
Властитель Рима ввёл в сенат
Свою породистую лошадь.

А в наши дни в другой стране,
По сообщениям печати,
Не лошадь видели в сенате,
А генерала на коне.

В сенат галопом въехал Брэдли,
Американский генерал,
И по-военному, не медля,
На все вопросы отвечал.

О наступленье, о десантах
Хрипел он, шпорами звеня,
И адъютанты в аксельбантах
Держали под уздцы коня.

Услышав эти речи Брэдли,
Весь мир подумал: «Уж не бред ли?
Быть может, генерал сошёл
С того, с чего сошел когда-то
Его учитель бесноватый —
Покойный мистер Форрестол?»

Ян САШИН

ПРОЩАЛЬНЫЙ РОМАНС ЧАН КАЙ-ШИ

Хранил я франки
В швейцарском банке,
Глядел на атом
И был богатым.

Ах, шарабан мой американский,
Коньяк французский, бензин
британский!
Теперь я скован, расформирован,
Маршаллизован, парализован.

Ах, шарабан мой,
Да безмоторный,
Фасон фашистский,
Конец позорный!

В МАРШАЛЛИЗОВАННОЙ ФРАНЦИИ

— Интересно, что теперь выпускает наша промышленность?
— Главным образом безработных.

МОНАРХИЯ ДОЛЛАРА

ОБЕД С СЕНАТОРОМ КЛАРКОМ ИЗ МОНТАНЫ

ПОЗАВЧЕРА днём мне позвонил друг, которого я называю Джонс, и сказал, что хотел бы захватить за мной в полвосьмого вечера и повезти меня на обед в клуб Юнион Лиг. Он сказал, что я вернусь домой, как только захочу: ему известно, что в этом году — и уже до конца жизни — я отказываюсь от всех вечерних приглашений, в особенности от таких, где произносятся речи и сидят позе десять часов.

Но Джонс — мой близкий друг, и поэтому я нарушил своё правило без особых раздумий; впрочем, нет, я ошибаюсь, я почувствовал острую боль, когда Джонс сказал, что на обед приглашено всего десять человек, но среди них будет сенатор Кларк из Монтаны¹. Я принадлежу к хорошему обществу, я вполне добродетельный гражданин, и я выше того, чтобы общаться с животными типа г-на Кларка.

Мне жаль, что я тщеславен; по меньшей мере, мне жаль признаваться в своём тщеславии, но я признаюсь в этом; я считаю, что подтвердил своё исключительно хорошее отношение к Джонсу, когда согласился принять его приглашение и воспользоваться гостеприимством такого человека, как сенатор Кларк.

Дело не в том, по крайней мере, не только в том, что он занимает сомнительную должность сенатора США; есть много сенаторов, которых я в известной степени уважаю и не отказался бы встретиться с ними в обществе, если на то уж воля божья. Мы, правда, недавно отправили сенатора США в тюрьму, но я прекрасно знаю, что среди тех, кто избежал этого повышения по службе, есть несколько человек, невиновных в преступлении; не то, чтобы они были вообще невиновны ни в каких преступлениях — я считаю, что этого нельзя сказать ни об одном сенаторе США, — но невиновных в некоторых преступлениях. Все они грабят казну, голосуя за незаконные биллы о пенсиях, чтобы поддержать хорошие отношения с великой армией республики, и с сыном великой армии, и с внуком великой армии, и со всеми правнуками войны; а все эти законопроекты — явное преступление и нарушение государственной присяги.

Но хотя я и могу временно откинуть свои моральные правила и встретиться с сенаторами средней преступности — включая даже Пятта и Чонси Делью, — я должен отмежеваться от Кларка из Монтаны.

О нём говорят, что он покупает представителей государственной власти и судей, как другие покупают пищу и одежду. Своим примером он настолько изменил, смягчил отношение к коррупции, что в Монтане это понятие уже не имеет оскорби-

¹ Банкир и шахтовладелец Кларк в 1898 г. путём жульнических махинаций и подкупа был «избран» в американский сенат.

Рукописный фонд Марка Твена захвачен архиреакционными монополистами от литературы и считается их частной собственностью. Они пытаются скрыть от американского народа настоящего Твена — демократа и гневного разоблачителя духовных отцов современных кеннонов и форрестолов. В книгах о Марке Твене они чудовищно фальсифицируют облик писателя, пытаются представить его чуть ли не активным сторонником и защитником американских порядков.

Публикуемые ниже отрывки из автобиографических записок писателя, которые он диктовал в последние годы жизни, разоблачают американских фальсификаторов, присвоивших литературное наследство Твена. Писателю-сатирику, горячо любившему свой народ, было тяжело, горько наблюдать, как на его глазах Соединённые Штаты превращались в монархию доллара, как растленные преступники путём подкупа захватывали власть. С присущим мастерством Твен разоблачал современных ему американских правителей — долларопоклонников.

С годами Твен проникался всё большим отвращением к американской лжедемократии. Всё чаще в его творчестве появлялись гневные строки, бичующие капиталистическую Америку. Но большая часть написанного Твеном в последние годы жизни до сих пор не опубликована в США.

Печатаемые ниже отрывки на русском языке публикуются впервые.

тельного привкуса. Его история всем известна; это — отвратительное существо; это позор для американской нации, и те, кто посылал его в сенат, прекрасно знали, что его истинное место в тюрьме с закованными руками и ногами. По-моему, это самый мерзкий продукт республики со времён Твида.

Я пошёл на обед, который подали в небольшой отдельной комнате клуба с непременным пианино и скрипачами, затрудившимися разговор и причинившими одни неудобства. Я выяснил, что гражданин из Монтаны — не просто один из гостей: весь обед давался в его честь. Во время обеда соседи информировали меня, почему ему была оказана такая честь. Оказалось, что господин Кларк недавно временно передал для выставки клубу Юнион Лиг — самому влиятельному и, пожалуй, самому богатому политическому клубу Америки — картины европейских художников общей стоимостью в миллион долларов. Было ясно, что информирующие меня рассматривали это как акт почти сверхчеловеческой щедрости. Едва сдерживая дыхание от восторга, мой сосед сказал, что общая сумма пожертвования сенатора Кларка клубу равна 100 тысячам долларов. Я увидел, что от меня ожидали восклицаний, аплодисментов, восторга, но я обманул ожидания, ибо за пять минут до этого тот же сосед, благоговей, сообщил мне, что годовой доход Кларка составляет 30 миллионов долларов.

Люди не имеют чувства пропорций. Подарок в 100 тысяч долларов, отнимаемый от дохода в 30 миллионов долларов, не вызывает истерического восторга. Если бы я пожертвовал 10 тысяч долларов на какое-нибудь дело, это была бы одна десятая моего дохода за прошлый год — для меня это было бы чувствительно; это было бы значительно более достойно удивления, уважения, благодарности, чем 25 миллионов преступника из Монтаны, у которого при этом ещё оставалось бы по 100 тысяч долларов в неделю на прожитие.

Это напомнило мне о слышанном мною единственном эпизо-

де, когда покойный Джей Гуд² осыпал мир своей благотворительностью. Первый и самый позорный развратитель американских коммерческих нравов, погрязший в своих краденых миллионах, пожертвовал 5 тысяч долларов для помощи населению города Мемфиса (штат Теннесси), пострадавшему от жёлтой лихорадки. Этот дар не требовал от г-на Гуда жертв: это был его доход всего лишь за один час — час, проводимый в молитвах, ибо г-н Гуд был чрезвычайно богобоязненный человек, — и, тем не менее, по США — в газетах, с амвона, в частных кругах — пронёсся шторм благодарностей: всё это должно было доказать, что для американского миллиардера пожертвовать 5 тысяч долларов умирающим беднякам, в то время как на эти деньги можно подкупить окружного судью, — благороднейшее и святейшее дело в американской истории.

А в это время поднялся президент комитета искусств клуба с устаревшим и давным-давно дискредитированным замечанием, что никакими речей не будет, а только несколько дружеских слов. Затем он сам в допотопной и давным-давно дискредитированной манере произнёс речь, от которой трезвый слушатель устыдился бы за род человеческий. Если бы в комнате появился посторонний, он был бы уверен, что происходит богослужение и само божество присутствует на церемонии. Он узнал бы, что г-н Кларк — самое благородное человеческое создание, когда-либо созданное республикой, сама щедрость, само самопожертвование, самый бескорыстный покровитель всего лучшего на земле.

И не приходило в голову этому поклоняющемуся долларам и их владельцу, что г-н Кларк просто бросил медную монетку в шляпу клуба. Г-ну Кларку так же трудно было обойтись без этой суммы, как обойтись без 10 центов.

Когда этот нудный оратор закончил свои излияния, встал президент Юнион Лиг и продолжал богослужение в том же

² Джей Гуд — американский капиталист, известный своими грязными спекуляциями и мошенничеством.

тоне, изрыгая об этом преступнике те же низкопоклоннические фразы; во всём этом был острый сарказм, но оратор об этом не подозревал. Обоим ораторам долго хлопали, пока один из них не выступил снова с сообщением, которое должно было, по-моему, вызвать ледяное молчание; он сказал, что расходы клуба на экспонирование картин, предоставленных сенатором, превысили доход от продажи билетов на выставку; затем он сделал паузу, как всегда делают ораторы перед неожиданным эффектом, и сказал, что в этот тяжёлый момент сенатор Кларк из своего кармана заплатил 1500 долларов. Умри я на месте, если присутствующие долларопоклонники не разразились аплодисментами в ответ на это поразительное заявление и если преступник не улыбнулся во всю щеку и не выглядел так искренно счастливым, как он будет выглядеть когда-либо, когда сатана даст ему выходной день в холодном склепе.

Наконец, пока я был ещё в живых, президент клуба закончил своё глупое и утомительное извержение плоских ребяческих фраз, представил Кларка и сел. Кларк поднялся при звуках «Звёздного знамени» — нет, это было «Боже, спаси короля», исполняемое скрипачами и пианистом. Засим последовало «Он чудный парень», исполняемое хором всеми молящимися. Засим последовало чудо. Я до сих пор был уверен, что ни один человек не может произнести речь, не поблагодарив за похвалы, но теперь вижу, что пресмыкающееся может всё. Сенатор Кларк болтал, болтал, болтал более получаса без всякого содержания; он просто повторял те похвалы, которые были сказаны о его потрясающем благородстве. Он с такой настойчивостью и блеском расхваливал свои так называемые щедрость и великодушие, что речи предыдущих ораторов совсем по блекли.

Сорок лет я наблюдаю человеческую глупость и тщеславие на банкетах, но не помню ничего, в отдалённой степени приближающегося к идиотству и самодовольству этого невежественного, вульгарного, восхваляющего себя мужлана.

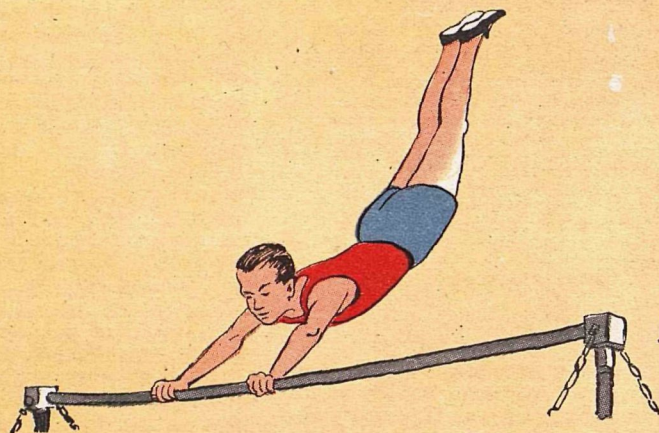
Я всегда буду благодарен Джонсу за возможность присутствовать при этом священнодействии. Я был уверен, что уже видел на банкетах все разновидности скотов, произносящих речи, и вообще все разновидности нашего населения, но я ошибался. В первый раз я увидел, как люди опустились в грязь и открыто поклонились долларам и их владельцу. Конечно, я знал об этих вещах из газет, но я никогда до этого лично не слышал, как люди воспевают доллары, не видел людей на коленях за свершением этого акта.

1907 г.

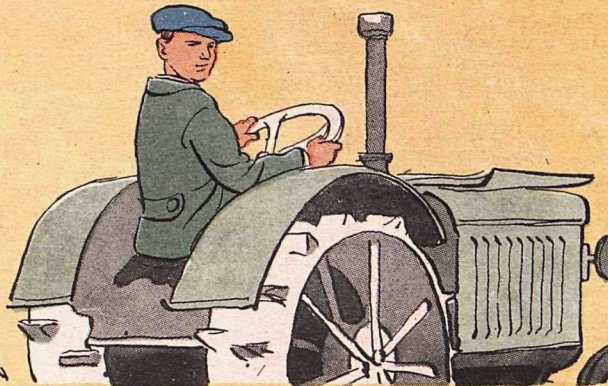
Перевод Р. ОРЛОВОЙ
(Продолжение следует.)

ЭТИ РУКИ, РУКИ МОЛОДЫЕ...

Рис. И. СЕМЕНОВА

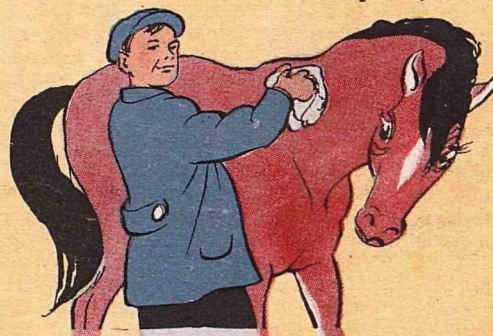
Хорошо крутит солнышко...

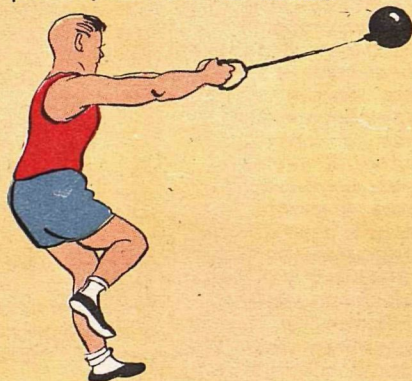
...и «баранку».

Хорошо работает на коне...

...и ещё лучше обращается с ним.

Хорошо бросает молот..

...а также владеет им.

За спортивные достижения.

За трудодни.

...РУКАМИ ЗОЛОТЫМИ НАЗОВУТ.

— По-моему, наш начальник не видит дальше своего носа.
— А по-моему, и того меньше. Зима на носу, а он и её не видит.

Вл. ИВАНОВ

Ф О М А
И
З И М А

(БАСНЯ)

— Эхма! — сказал Фома, —
Кабы пришла зима,
Так книжка бы сама
Ко мне пошла бы в руки,
Я стал бы изучать настойчиво науки,
К успехам шествуя дорогою прямой...
Гордиться стали бы Фомой!
Я, право, смог бы отличиться...

И вдруг в окно Зима стучится:
— Уж я пришла, имей в виду!
— Ах! — простонал Фома. — Я лета подожду.

* * *

С ученьем плохо у Фомы:
Зимой он лета ждёт,
А летом ждёт зимы.
Ленинград.

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

Заместитель начальника управления горноспасательных работ в Ленинске-Кузнецком (Кузбасс) тов. Семёнов, работая в своём кабинете, не жалеет ни сил, ни бумаги. Особенно бумаги.

Ежедневно сотрудники управления получают от заместителя начальника, находящегося от них на расстоянии десяти метров, бумажки такого содержания:

«Товарищ Попкова, надо изыскать десять штук пуговиц мелких и десять штук звёздочек для товарища Копылова. Переговорите со мной. Семёнов».

«Товарищ Михайлов, поручите товарищу Попковой получить весы, сданные в ремонт. Семёнов».

«Товарищ Шорин, что вами сделано в части исполнения моего распоряжения? Не вижу. Переговорите со мной. Семёнов».

«Товарищ Мезенцев, надо купить на базаре один абажур (приличный) для настольной лампы в квартиру начальника. Покупку оформите актом. Семёнов».

«Товарищ Мезенцев, вы надоели, требую графин. Лизе тоже трепали нервы при переговорах. Я взялся сам за это дело. Установил при всех и вся, что графин взяла девочка (марусина дочь, работающая в бухгалтерии. Она из графин

на воду выдила и поставила в шкаф бухгалтерии — спрятала. Семёнов».

«Товарищ Попкова! Примите меры к приобретению копировальной бумаги. Где-нибудь возьмите, хотя бы без отдачи, взаимобразно. Семёнов».

«Товарищ Мезенцев! Надо изыскать пять килограммов лака для покраски автомашины начальника. Переговорите со мной. Семёнов».

«Товарищ Попкова! Вызовите ко мне Егорову. Семёнов».

Все эти творения тов. Семёнова сотрудники управления, как и полагается в хорошем учреждении, подшивают в папки и сохраняют для каждого, кто пожелает узнать, как не надо работать...

* * *

Директива председателю Приволжского сельпо тов. Кильдюшову, подписанная зав. райсельхозотделом тов. Баевым и временно исполняющим обязанности зав. райздравотделом тов. Емеличевым:

«Сообщите в адрес райздравотдела о наличии и количестве мышей и других грызунов в складских помещениях».

Мы опасаемся, как бы приволжские кооператоры, подчиняясь строгой директиве, не закрыли склады и магазины «по случаю переучёта мышей».

Есть в Клайпеде Любочка

Да, в Клайпеде есть Любочка. А у Любочки есть муж — Ананевич Евгений Михайлович. А у Евгения Михайловича есть должность — директор фанерного завода.

Но попробуйте спросить у работников завода:

— Кто выполняет должность директора?

Вам в один голос ответят:

— Любочка.

— Кто распределяет заводские квартиры?

— Любочка.

— Кто вершит судьбу некоторых работников завода?

— Любочка.

— Кто отменяет приказания директора?

— Любочка.

Словом, как пишут работники завода, Любочка подобна Челите из популярной песенки:

«Над нами она хохочет

И делает всё, что хочет».

Не поздоровится на заводе тому, кто словом, делом или помышлением обидит Любочку.

...Во дворе того дома, где проживает Любочка, ребятишки играют в футбол. В пылу футбольной страсти они не замечают, что по двору идёт собака. Мяч попадает в собаку.

Справедливость требует сказать, что сама собака не обиделась и отнеслась к этому довольно равнодушно. Скандал подняла Любочка, которой принадлежала собака. Она с истощной бранью накинулась на ребятишек и намеревалась пустить в ход не только язык, но и руки.

За ребятишек вступился оказавшийся тут слесарь Григорий Золотых. Тогда Любочка, забыв уже про ребятишек, весь свой гнев обратила на него.

— Больше ты на заводе не работаешь! — заявила она при всём честном народе.

На другой день слесарь-стахановец Золотых был уволен с завода. Его не могли отстоять ни главный механик, ни инженер, ни секретарь парторганизации. Слово Любочки для директора Ананевича превыше всего.

...Борис Иванович Фукс, поступая на Клайпедский фанерный завод, тщательно ознакомился с правилами внутреннего распорядка, с правилами технической безопасности, с правилами пожарной безопасности и прочими правилами. Но он, как новый человек, не знал и не ведал, что на фанерном заводе самая опасная опасность — это Любочка. С правилами против этой опасности он не был знаком. По своему неведению, заявление о предоставлении квартиры Фукс подал не Любочке Ананевич, а Евгению Михайловичу Ананевичу.

Евгений Михайлович на заявлении начертал: «Выделить комнату тов. Фуксу».

Через некоторое время в одной из квартир освободилась комната. Тов. Фукс пошёл к тов. Ананевичу. Тов. Ананевич вторично распорядился: «По выезде Утыры выделить комнату тов. Фуксу».

Утыра выехал. Тов. Фукс попросил тов. Ананевича снова подтвердить распоряжение. Тов. Ананевич подтвердил: «Передать комнату тов. Фуксу».

Со спокойной совестью, подкреплённой тремя директорскими распоряжениями, Фукс въехал в комнату...

Гроза разразилась в ночь на 28 сентября. В эту ночь в комнату Фукса ворвалась Любочка и начала метать молнии.

Молния первая:

— Как вы смели занять комнату?

— Но... я имею три расп..

Молния вторая:

— Убирайтесь вон и немедленно!

— Но я повторяю, что имею три распоряжения директора.

Молния третья:

— А я повторяю: убирайтесь вон! И запомните, что я привыкла отдавать только одно распоряжение!

Вслед за молниями грянул пром: на следующий день, когда Фукс был на работе, его вещи выбросили в кухню, а в комнату вселились другие люди, угодные Любочке.

И в данном случае вмешательство парторга, главного инженера и главного механика не помогло — сильнее Любочки начальника на заводе нет.

* * *

Мы не имеем возможности анализировать благотворное влияние Любочки на производственные процессы завода, но должны сказать, что некоторые стороны финансово-хозяйственной деятельности четы Ананевич наводят на некоторые грустные размышления.

Непонятно, например, по какому поводу был продан вагон фанеры ростовской артели «Красный столяр». Почему эта фанера отправлена под видом спинок для стульев в вагоне № 323169? Почему деньги за провоз фанеры железной дороге уплачены были не по лимитной книжке, а наличными?

Непонятно также, почему никто не отвечает за то, что на заводе затоварено на 1500 тысяч рублей готовой продукции преимущественно низкого качества.

Непонятно, далее, почему из заводских денег незаконно получают премии некоторые работники Министерства лесной и бумажной промышленности Литовской ССР.

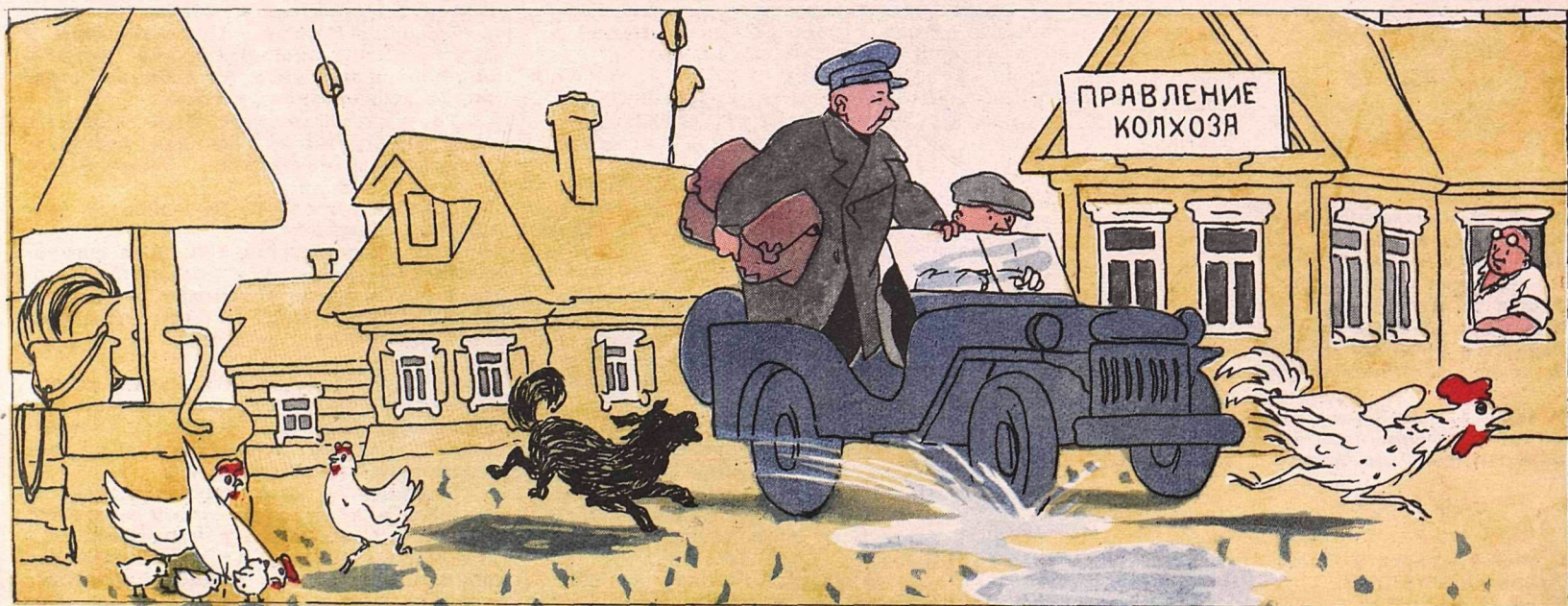
И, наконец, совершенно непонятно, почему партийные и советские органы Клайпеды терпят на советском заводе совсем не советские нравы.

Д. БЕЛЯЕВ

НА ПРЕДЕЛЬНОЙ СКОРОСТИ

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

Некоторые партийные руководители конкретное руководство подменяют гастрольными поездками по району.

— Хороша машина у секретаря райкома! Двигается со скоростью пятнадцать колхозов в час!

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

КОРРЕСПОНДЕНТ Крокодила обратился к находившемуся в Москве народному артисту Чехословацкой республики профессору Иозефу Скупа, художественному руководителю Театра марионеток, с вопросом, как он относится к американскому театру марионеток. В частности, мы просили г. Иозефа Скупа дать оценку их последней программы — «Боннское правительство» (Западная Германия).

Профессор Иозеф Скупа сказал:

— Работа, нужно прямо сказать, топорная и грубая. Снизу видно, как американцы дёргают за нитки, заставляя кривляться своих марионеток — Хэйса, Аденауэра и им подобных. Впрочем, к провалам американцы должны были

уже привыкнуть. Как вам известно, их «гастроли» на Балканах кончились большим скандалом. Органы госбезопасности стран народной демократии быстро обнаружили и оборвали все нити у американских «кукол» Райка, кардинала Миндсенти и прочих предателей, связывавшие их с заокеанскими хозяевами.

Присутствовавший при беседе Шпейбл (любимая кукла профессора Скупа), подмигнув левым глазом, крикнул:

— Я прошу не оскорблять честных марионеток и не валить нас в одну кучу с предателями!

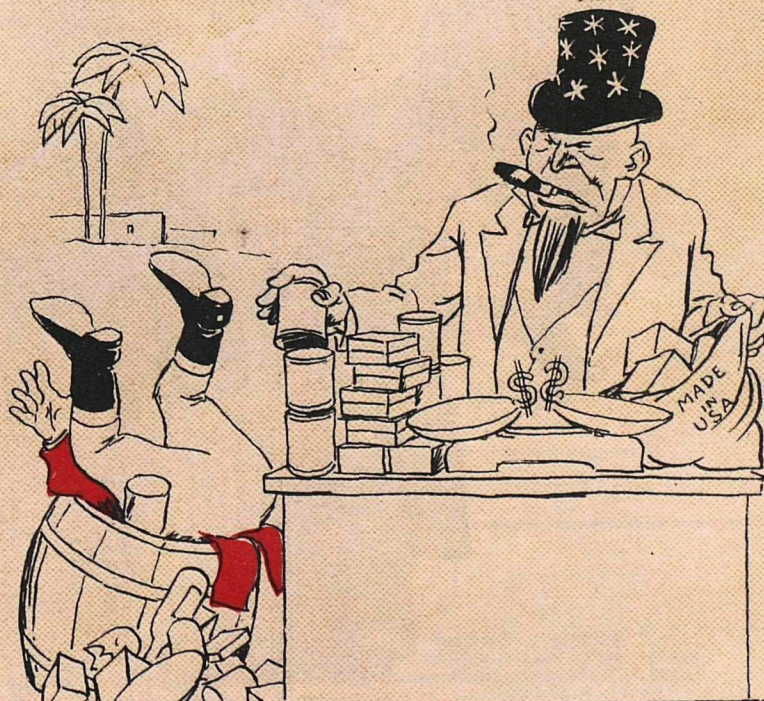
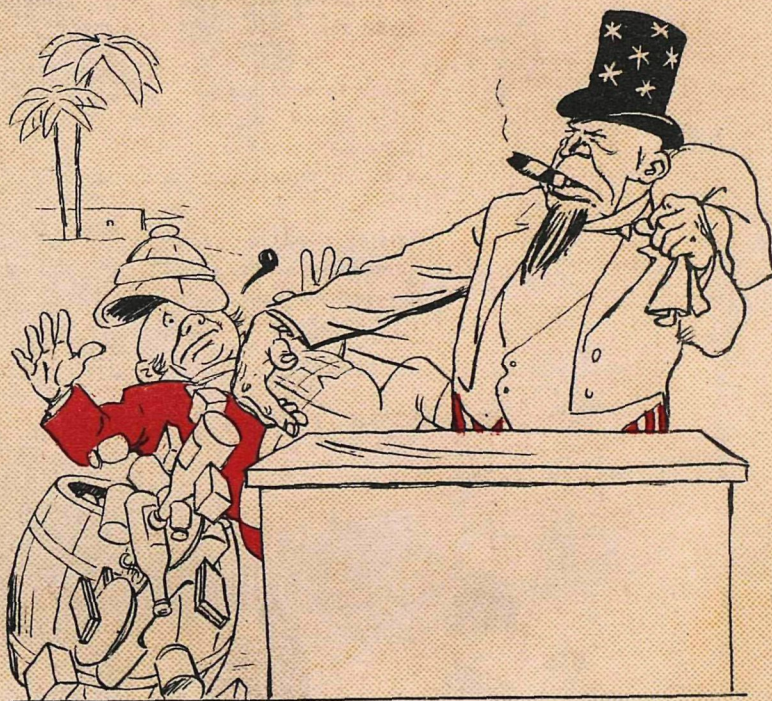
А сын Шпейбла озорной Гурвинек тут же добавил:

— Недаром говорится: «Покажи мне твоего хозяина, и я тебе скажу, кто ты».

— Замолчи, Гурвинек! — огрызнулся Шпейбл. — Американцы услышат...

— Во-первых, они далеко — за океаном, а во-вторых, я им это на каждом спектакле говорю. Как говорится, слова из песни не выкинешь...

На этом наша короткая, но весьма нравоучительная беседа закончилась.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

УТОЧНЕНИЕ ФАМИЛИЙ

Кто перешёл все рубежи
Циничной, наглой, грязной лжи?
Дипломатические янки,
Вояки трумэнской чеканки!

На Ассамблее
кем взят
Рекорды гнусной клеветы?
Дипломатическими янки,
Дельцами трумэнской чеканки!

А потому проект возник,
Чтоб слово «лжец» иль
«клеветник»
Они приставкою включили
В шеренгу букв
своих фамилий.

Проект хорош.
Но, чтобы он
Тотчас же не был отклонён
Их сателлитов голосами,
Осуществим проект
мы сами.

Итак, начнём.
Товарищ, знай:
«Л о ж ь» по-английски — это
«Л а й».
Особо крепко с ней спаялись
Лай-Клей, Лай-Ачесон, Лай-Даллес.

А с кем плотней всего слита
Приставка «слендэ» —
«клеветы»?
Пожалуй, мистер Слендэ-Кёэн
Её особенно достоин.

Но лай его не злей других.
О, йес! У каждого из них
Приоритет непрерываем
В искусстве лаять злобным
«лаем».

В уменье дико клеветать
Лай-Снайдер Козну подстать.
В безмерной лжи не больше
злостен
Лай-Ванденберг, чем
Слендэ-Остин.

А потому придётся нам
Всем уоллстритовским вратьям
Отдать в навечную аренду
Приставку «лай» с приставкой
«слендэ».

Так пусть же список их имён
Немедля будет уточнён
Словами чёткими, простыми:
Лжец-клеветник... а дальше
имя.

Стереть не сможет смерть сама
Печать подобного клейма!

Нравы на колониальном базаре.

Як. БЫЛАНИН

ПЕСНЕ ВОПРЕКИ

Но нельзя рябине
К дубу перебраться...
(Из русской песни)

Шёл я утром рано
В город мимо тына.
Глянул на поляну—
Где ж моя рябина?

Ведь она всегда тут
День и ночь качалась.
Неужель куда-то
Ночью перебралась?

И сказали двое
Мне в ответ на это:
— Видишь? За рекою
Дуба тоже нету.

Шелестя вершиной,
Он с рекой прощался
И вчера с рябиной
В город перебрался.

Там пустырь широкий
Стал тенистым садом.
И стоит высокий
Дуб с рябиной рядом...

МЕЧТЫ ГАНГСТЕРОВ

Рис. Ю. ГАНФА

— Хорошо бы нас судил судья Медина!
— Почему?
— А он осуждает только невиновных.

КРИТИК НЕ СТЕСНЯЕТСЯ

«Литературная газета» (Москва) 15 октября 1949 года напечатала статью «Против успокоенности». Автор статьи украинский критик Н. Шамота, редактор «Литературной газеты» (Киев), сетовал на то, что «в рецензиях, публикуемых в украинских литературно-художественных журналах, процветает шаблон... Рецензенты ни за что не борются, ни за что не воюют. Одни — потому, что не умеют, другие — потому, что стесняются, как бы кого не обидеть».

Приводимые ниже выдержки из критических статей Н. Шамоты дают ясное представление о том, за что борется и за что воюет критик Н. Шамота, которого никак не упрекнёшь ни в шаблоне, ни в том, что он якобы «стесняется» кого-нибудь обидеть.

1. О РОМАНЕ Л. ПЕРВОМАЙСКОГО «МОЛОДОСТЬ БРАТА»

Критик Н. Шамота писал 23 октября 1947 года в «Литературной газете» (Киев):

«Роман «Молодость брата» учит любить Родину... славит подвиг во имя Родины, славит комсомол...»

Избранный Л. Первомайским столь сложный жанр поэтического произведения даёт ему возможность глубоко раскрыть идейный замысел, широко отобразить эпоху и её героев...

И когда говорит поэт о своих чувствах и мыслях, о своей любви к героям, мы воспринимаем это как выступление одного из персонажей романа. Мы знаем, что это их мысли... И это — не традиционное лирическое отступление. Такие отступления стоят в общем идейном плане романа, родят... И автор, и герой, и читатель — люди общих прогрессивных взглядов и патристических устремлений.

...«Молодость брата» — значительное явление в украинской советской литературе...»

14 июля 1949 г. «Литературная газета» (Киев), редактируемая Н. Шамотой, опубликовала выступление критика Н. Шамоты в Союзе писателей Украины при обсуждении творчества Л. Первомайского:

«Н. Шамота подробно остановился на анализе романа Л. Первомайского «Молодость брата» и показал, что в этом произведении, законченном в 1947 году, поэт продолжает ту же порочную концепцию, которая была положена в основу его ранней поэмы — «Трипольская трагедия». Л. Первомайский извращает историческую правду... Положительные персонажи произведения оторваны от жизни народа. Как бледные, художественно немощные схемы, лишённые каких-либо индивидуальных черт, проходят они через роман, теряясь в бесконечных авторских идейных путаных отступлениях. Такое произведение не может служить благородным целям коммунистического воспитания молодёжи.»

2. О ПОВЕСТИ И. РЯБОКЛЯЧА «ЗОЛОТОТЫСЯЧНИК»

Критик Н. Шамота в № 6 журнала «Вітчизна» за 1949 год писал:

«В повести «Золототысячник» хорошо показано партийное руководство в борьбе передовиков против «межевнички» настроений в колхозе, против отсталых взглядов, за победу новаторства над рутинною и косностью...»

...Секретарь райкома партии Петров, а потом и созданная в колхозе партийная организация, поддерживая почин золототысячника, организуя в колхозе социалистическое соревнование, создают широкий фронт борьбы за высокий урожай на всех землях колхоза.

...Пример золототысячника горячо подхватывают зорянцы.»

В «Литературной газете», редактируемой Н. Шамотой, критик Н. Шамота 18 августа 1949 года писал:

«Золототысячник» — повесть о новаторах. Тем более недопустимо, что наиболее слабо в ней отображены коммунисты, организаторы и вдохновители новаторского движения...»

...Что касается образа секретаря райкома Петрова, то деятельность его отражена недостаточно... Райком реагирует на все события с опозданием.

...Инициатива золототысячника не была распространена в районе или хотя бы в «Зоре». О зване высокого урожая забыли. Только весной поинтересовался Петров золототысячниками.»

3. О ПОЭМЕ МУРАТОВА «СВАДЬБА АННЫ ЧЕРЕДНИК»

В «Литературной газете», редактируемой Н. Шамотой, 23 июня 1949 года была напечатана статья В. Гуреева:

«...В целом она (поэма) займёт видное место среди произведений, посвящённых сегодняшнему дню нашего колхозного села.»

...И. Муратов стремится показать... в этой поэме, как общественные интересы, творческие дерзания советских людей органично слиты с их личными интересами...»

18 августа 1949 года в «Литературной газете», редактируемой Н. Шамотой, Н. Шамота писал:

«Неумение показать, как на основе высокой социалистической сознательности у советских людей органично объединяются общественное и личное, приводит поэта к фальшивому противопоставлению общественного личному.»

...Таковы отдельные недостатки повести И. Муратова, повести недоработанной, сырой.»

4. О «КИЕВСКИХ РАССКАЗАХ» Ю. ЯНОВСКОГО

В статье «Манерность и фальшь» Н. Шамота 19 августа 1948 года в «Литературной газете», редактируемой Н. Шамотой, писал:

«...Нелегко прочесть тридцать страниц «Киевских рассказов». Нелегко, так как они проникнуты гнетущим безразличием и к тому, о чём автор пишет, и к тем, кто будет читать... Нет сил читать дальше. Хочется скорее на свежий воздух, к нашим добрым, жизнерадостным советским людям.»

После присуждения Ю. Яновскому за «Киевские рассказы» Сталинской премии критик Н. Шамота в № 6 журнала «Вітчизна», в статье «Литература, окрылённая коммунизмом», писал:

«...Цикл Юрия Яновского «Киевские рассказы», в своё время неверно оценённые критикой, в том числе и автором этих строк, является значительным вкладом в дело развития этого важного жанра.»

Рассказы Ю. Яновского прежде всего глубоко поэтичны. Их поэтичность не только в художественных приёмах, в ярком, эмоциональном ритмическом языке, но, главное, в любовном, я бы сказал, в нежном отношении к герою рассказа — советскому человеку.»

Свою статью в «Литературной газете» (Москва) от 15 октября редактор «Литературной газеты» (Киев) Н. Шамота закончил словами:

«Отделам критики и библиографии наших журналов нехватает творческой смелости, инициативы.»

Что же, в нехватке смелости, инициативы критика Н. Шамоту никто не упрекнёт. Что-то, а инициатива и смелость у него перехлёстывают через край! Но вот беда: борясь против шаблона, критик Н. Шамота и свои статьи писал тоже по шаблону щедринского статского советника Никодима Лукича Передрыгина. Означенный советник мыслил то либерально, то консервативно, — когда как требовалось... Это обстоятельство известно всем читателям и почитателям великого сатирика, в том числе и некоторым критикам. А известно ли сие критику Н. Шамоте?

...В США насчитывается несколько миллионов безработных.
 ...По официальным данным ФБР, лишь за последний год снято свыше 15 миллионов дактилоскопических отпечатков.
 (Из газет.)

БЕЗРАБОТНЫЙ: — Благодарю вас, мистер! Это первая работа, которую выполнили мои руки за последние три года!

АМЕРИКАНСКИЕ ИЗБРАННИКИ

Не успели ещё боннские квислинги полностью развернуть свою предательскую деятельность, как в стенах «парламентского комитета» разразился скандал. Оказалось, что среди американских избранников, именуемых членами «боннского парламента», обнаружилось всевозможные жулики, проходимцы и уголовные преступники. В конце октября специальный комитет в Бонне был вынужден принять решение, по которо-

му члены «парламента» лишаются депутатской неприкосновенности, в случае «если они совершили серьезные уголовные преступления». Мелкие жулики и прохвосты, стало быть, спокойно могут восседать на скамьях депутатов. Но слово «мелкие» — понятие растяжимое. Предатели и квислинги также относятся к категории «мелких». Первым «депутатом», о котором под давлением немецкой общественности встал вопрос, был

известный баварский фашист Альфред Лориц. Он обвиняется в мошенничестве и растратах. Ещё до своего избрания Лориц должен был скрываться от полиции. Второй, фамилия которого не называется, также был уличён в уголовных преступлениях. Обвинения, предъявленные ему, были настолько убедительными, что он, махнув рукой, добровольно сдал свой депутатский мандат.

ИСТОРИЯ

БОЛЕЗНИ

Вот уже больше месяца, как льёт кратковременный дождь. Я уже сменила три зонтика, четыре плаща, пять причёсок.

Я врач. Женщина-врач. Стаж медицинской работы у меня маленький. Но я впервые в своей практике столкнулась с таким заболеванием, о котором я хочу вам здесь рассказать.

Началось это с Игоря. Так зовут моего сынишку. А заболел он ещё весной прошлого года. Во всём виноват сосед мой по квартире, очень солидный человек, артиллерийский полковник. От него — это уже точно установлено — мой Игорь и заразился. Потому что эта самая болезнь очень прилипчивая и её микробы передаются не только по воздуху, но даже по радио.

Словом, повёл полковник моего Игоря на футбольный матч. Он болел за ЦДКА, а Игорь в тот же день начал хворать... Виновата, Игорь начал болеть за «Спартак».

А я вот всего этого не могла никак понять. Ну, какая, скажите, пожалуйста, мне разница, кто кому вобьёт мяч в ворота? Если б, к примеру, в «Спартаке» или, скажем, в «Локомотиве» играли мои племянники, то я, как добрая тётя, желала бы им успеха. А между тем во всех футбольных командах у меня нет не только ни одного родственника, но даже знакомого — так чего же мне волноваться?

Кроме того, признаться, я вообще недолюбливала футбол. Я это считала грубой забавой. Причём игроки грубят ногами, а зрители — глотками:

— Эх, мазила!

— Упал! Схватился за голову! Ха-ха!.. Симулянт!

— С поля!!!

На меня все эти истошные крики очень неприятно действуют. Знаете ли, я привыкла слушать концерты в консерватории. Там обстановка несколько более мягкая, чем на стадионе. И вот, представьте себе, в оркестре кто-то нечаянно взял «до» вместо «ля» — и немедленно с верхних ярусов раздаются возгласы:

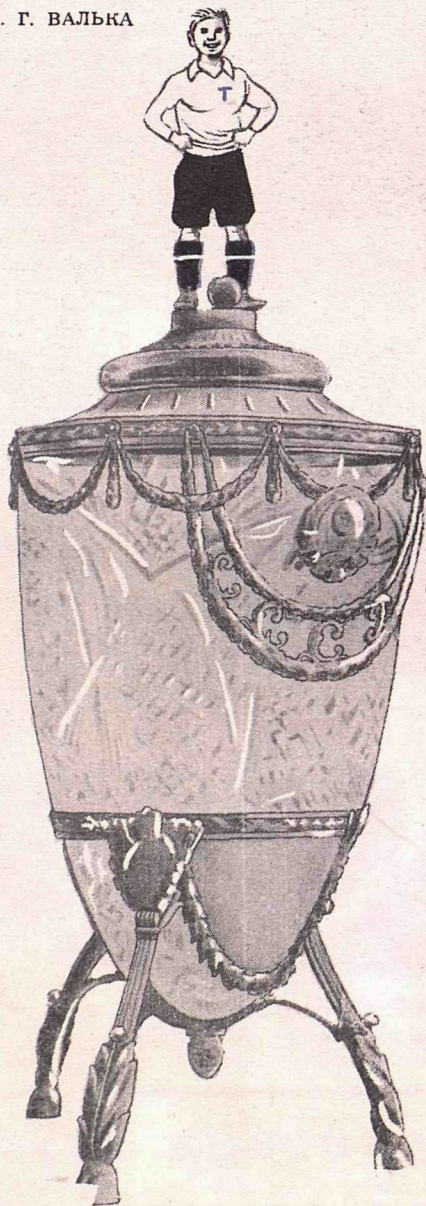
— Мазила!..

Шутки шутками. А у меня случилась неприятность. Сосед-полковник уехал в длительную командировку. Что мне было делать с Игорем? Он серьёзно заболел. Ему даже по ночам начали сниться вратари, голы и штрафные удары. И как только на стадионе матч, в особенности когда играет «Спартак», ему уж дома не сидится. А я спасалась пускать его одного. Он такой маленький, и его могут где-нибудь около офсайта или аута задавить.

Пришлось мне ходить с ним на матчи. Чего не сделает для своего ребёнка любящая мать?

Бывало, сижу на стадионе и страшно скучаю. В самом деле, что там интересно-

Рис. Г. ВАЛЬКА

Новый игрок в команде-победительнице на «Кубок СССР» по футболу.

го? Бегают люди по зелёной травке, бьют друг друга по ногам, а иногда попадают и в мяч.

А Игорь между тем уже стал настоящим болельщиком. Он уже знает всех игроков по фамилии. Своим мягким тенорком он так мило кричит: «Давай! Давай!», «Мазилка!», «С поля!».

Очень способный мальчик. Говорю вам вполне объективно.

Побывала я таким манером уже почти на десяти матчах. И вот от нечего делать стала наблюдать за игрой.

Ничего особенного. Но потом как-то получилось, что присмотрелась я к «Динамо». Очень понравилось мне, как ведут себя на поле динамовцы, особенно центр нападения. Хотя надо вам знать, что и полузащита у «Динамо» неплохая.

Тут у нас пошли споры с Игорем. Он, конечно, горой стоит за свой «Спартак». А что, скажите, пожалуйста, за диковина в этом «Спартаке»? Буду объективна. У «Спартака» неплохая защита, недурён и крайний правый нападения. У «Спартака» есть такие игроки, как Дементьев и Соколов. Всё это знаю и не отрицаю.

Но зато у «Динамо» чего стоит один Хомич? А Сергей Соловьёв? А Бесков? А Карцев? Ведь любо-дорого смотреть, как они играют! Я прямо глаз не могу оторвать от поля, когда на нём динамовцы!

Иногда хочется их даже подбодрить! И в критическую минуту — и это вполне понятно — крикнешь им с Северной трибуны:

— Давай, давай, Серёжа!

— Жми, Карцев!

Сидишь и не замечаешь никаких осадков, ни сплошной облачности, ни кратковременного дождя, который льёт, как из ведра. Пусть себе льёт, чорт с ним, я ведь не на даче, а на стадионе.

Вот так, под дождём, я и схватила свою болезнь. Болею за «Динамо».

Мой Игорёк сейчас увлёкся рыбной ловлей. Ему по ночам снятся крючки и червяки. Я очень рада его новому увлечению. Рыболовство — это очень благородный спорт. Аксаков удил рыбу. Чехов — тоже. Вполне возможно, что и Тургенев.

Сейчас Игорь днями пропадает на озере. Так что я одна хожу на стадион. Вчера был страшный ливень. Я даже окрипла. Но окрипла я не от погоды. А от крика. Один спартаковец, мазила такой, всё время грубил. И я изо всех сил кричала:

— С поля!!!

ГРУБЫЙ НАМЕК

ГЛЯДЯ НА ИЛЛЮСТРАЦИЮ В ДЕТСКОЙ КНИЖКЕ

Рис. А. КАНЕВСКОГО

НИКОЛАЙ Владимирович Бедюхов, юрист по образованию, поразил руководителей артели «Деревометалл» в г. Артёмовске глубокой эрудицией в области лесного хозяйства и деревообрабатывающей промышленности.

Он заверил правление, что леса Великолукской, Псковской и Новгородской областей томятся в ожидании его, Бедюхова, чтобы быть погружёнными в вагоны и отправленными в Артёмовск для нужд артели «Деревометалл».

Соблазненный столь заманчивой перспективой получить сырьё, легковёрный заместитель председателя правления артели Пантелей Андреевич Галка заключил с Бедюховым соглашение и поручил ему заготовку леса.

Бедюхов приступил к оперативным действиям. Первая телеграмма из Торопца, Великолукской области, содержала радостное известие о том, что, преодолевая все трудности и не останавливаясь ни перед какими препятствиями, Бедюхов закупил для артели жердей на двадцать четыре тысячи рублей.

Ликование руководителей артели по поводу активности Бедюхова было несколько омрачено тем, что жерди эти артели вовсе не нужны и использовать их никак нельзя. От договора, заключённого Бедюховым, пришлось отказаться. Бедюхов тогда перестроился на ходу и следующую партию товара отправил в Артёмовск без предварительного извещения.

Недоуменно разглядывали артёмовские кооператоры присланные Бедюховым валенки.

— К чему нам валенки? — растерянно говорил заместитель председателя Галка. — Из них ни шифоньера, ни письменного стола не сделаешь. Бедюхов что-то напутал.

Бедюхов между тем развил бурную деятельность. Он так усердно рубил в Торопце лес, что щепки долетали до Артёмовска. Но только щепки... За короткий срок он заключил договоры на триста сорок тысяч рублей. Почти от всех договоров — на триста тысяч рублей — артели пришлось отказаться и переключиться на переписку с привлечёнными Бедюховым поставщиками, которые один за другим начали предъявлять иски.

— Ну и наломал он дров! — сокрушённо вздохнул тогда Пантелей Андреевич Галка.

Тут уже сострил и председатель правления Шарков.

— И чем больше этих дров, — сказал он, — тем от нас дальше лес. Пора кончать!

К сожалению, Шарков пришёл к такому заключению очень поздно, — когда Бедюхов посадил артель на мель и оставил её без материалов и без средств.

Бедюхов стал оправдываться.

В одном из последних писем правлению артели Бедюхов писал: «Можете назвать меня горшком, но в печь не ставьте. Ни вы и никто другой не лишит меня диплома и звания юриста и только им я останусь до конца жизни. А какие функции я буду выполнять, мне неважно».

— К чему это он про юриста и про горшок? — недоумевал бесхитростный Галка. — Мы ему про лес, а он нам про посуду.

— Насчёт горшка, — пояснил Шарков, — он не проста: это грубый намёк на кого-то из нас...

Ю. ЯНОПОЛЬСКИЙ

г. Сталино.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

В № 28 Крокодил напечатал фельетон «Геология и кишимиш». Заместитель начальника Главного управления снабжения Министерства геологии С. А. Катамахин привлёк жуликов и проходимцев для заготовки кишимиша за наличный расчёт. Вопреки указаниям правительства Катамахин передал многомиллионный заказ на пошивку обмундирования не государственным фабрикам, а мелким артелям, чем причинил государству убыток на несколько сот тысяч рублей. Несмотря на всё это, Катамахин был утверждён Министерством начальником Главного управления рабочего снабжения.

Коллегия Министерства геологии признала фельетон правильным. Катамахин от работы в министерстве освобождён.

* * *

В редакцию поступил сигнал о том, что в Оскарском мясосовхозе Карагандинской области систематически расхищается скот. Материал был направлен в прокуратуру СССР. Факты подтвердились. Заведующий складом фермы № 3 Азиев осуждён на восемь лет, заведующий фермой № 4 Еркибаев — на один год исправительно-трудовых работ.

Против директора мясосовхоза Ахметова, старшего ветеринарного врача Жамалбекова, управляющих фермами Тайгодина и Исабекова, животновода Альжапарова и заведующего зимовкой колхоза имени Тельмана Герта возбуждено уголовное дело.

* * *

В редакцию Крокодила поступили сигналы о том, что ялтинская газета «Сталинское знамя» допускает много ошибок и опечаток.

Отдел пропаганды и агитации Ялтинского горкома ВКП(б), куда редакция направила сигналы, сообщил, что при проверке факты подтвердились. Редактор газеты тов. Муравенко В. Т. от работы освобождён.

— Я удавилась бы с тоски, когда бы на неё хоть чуть была похожа!..

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, Г. КОРОЛЬКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 40, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 860. Подписано к печати 2/XI 1949 г. Статформат 72X105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А — 14512.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

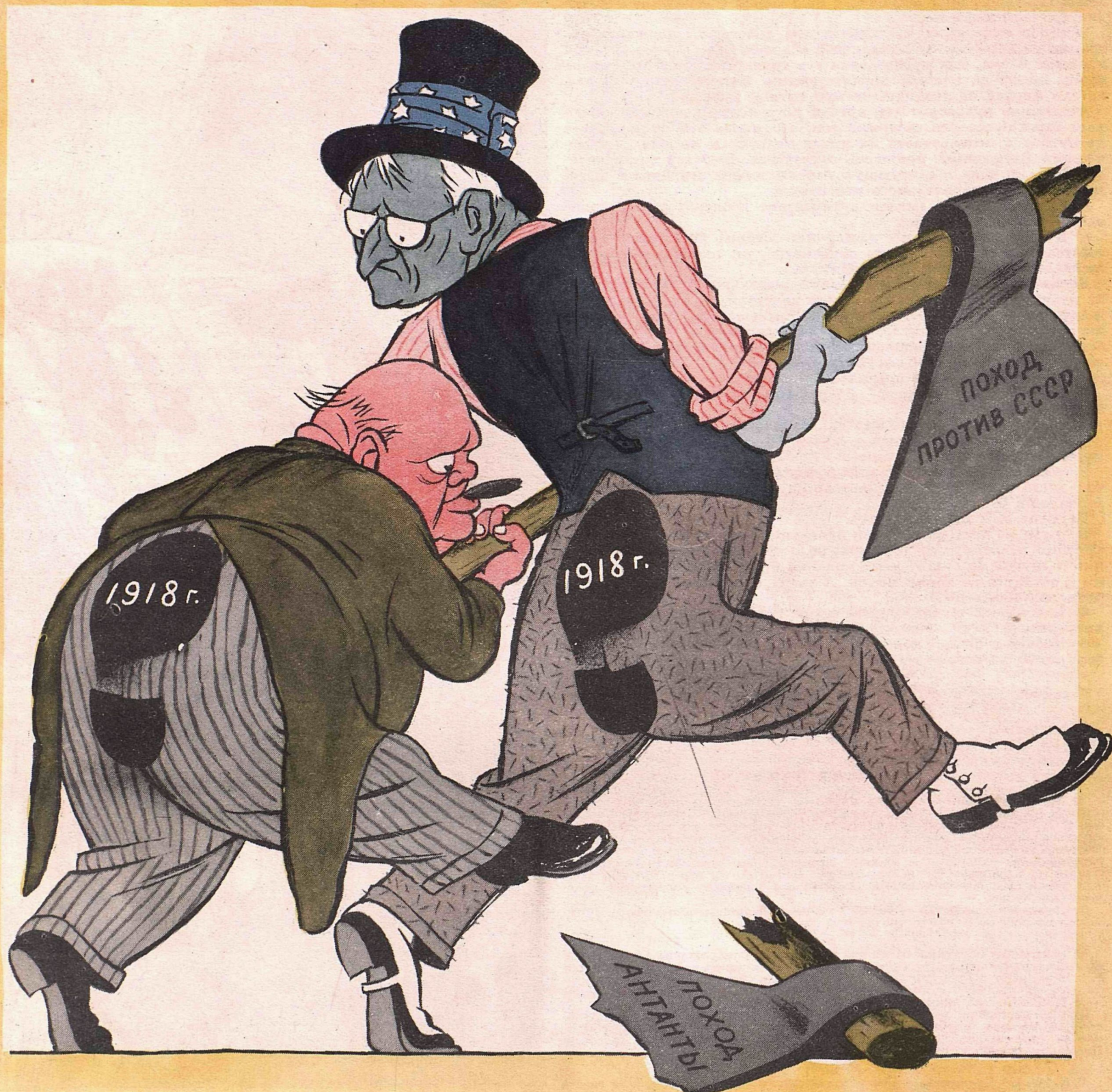
Заказ № 2827. Тираж 167 000 экз.

39
16 НСЯ 1949

17544 ж

УМЕСТНОЕ НАПОМИНАНИЕ ПОДЖИГАТЕЛЯМ ВОИНЫ

Рис. И. ИГИНА

Настоящее есть следствие прошлого, а посему непрестанно обращай
взор свой на зады, чем сбережешь себя от знатных ошибок.

(КОЗЬМА ПРУТКОВ).